ПОДОЛЯНКА.

Чума, которую звали и чумою и нечумою, но отъ которой люди умирали сотнями и тысячами, не обращая вниманія на чинъ и званіе мора; лихорадки, съ цѣлымъ поѣздомъ убійственныхъ, мучительныхъ послѣдствій, которыя передушили не менѣе православнаго люду, какъ и самая чума–безымянка — все это прошло мимо. Судьба обнесла меня этою чашей, подносивъ ее, для искушенія въ смиренномудріи, цѣлый годъ сряду, ежедневно, къ изнемогшимъ, изсякшимъ устамъ. Жестокая, неумолимая лихорадка, правда, натѣшилась и надо мною до–сыта; но благодатныя силы природы наконецъ взяли верхъ — и — человѣкъ забываетъ всѣ страданія также скоропостижно, какъ они его покидаютъ. Чума не полюбила меня. Волею и неволей, случайно и умышленно, прикасался я не разъ къ чумнымъ, безъ

всякихъ дальнѣйшихъ предосторожностей, и остался еще на этомъ перепутьѣ — и доселѣ еще, жадный жить и готовый умереть, шагаю, или бѣгу взапуски съ вами, по общему нашему поприщу, по пути юдольной жизни, по которой мы не–хотя другъ друга обгоняемъ, не–хотя торопимся жить и умереть. Скоро живемъ, друзья, и скоро умираемъ!

Но я бы не желалъ, чтобы кто нибудь выраженіе: «которую звали и чумою и нечумою», почелъ за какую–нибудь неумѣстную насмѣшку. Въ доказательство противнаго, осмѣлюсь высказать въ трехъ словахъ собственное мнѣніе мое объ этой чумѣ; мнѣніе, которое надѣюсь простятъ мнѣ, если расудятъ, что я былъ свидѣтелемъ того, что описываю, а слѣдовательно и мнѣ, какъ и всякому другому, мнѣніе свое дозволено: и я могу ошибаться, какъ и вы, друзья мои, но не менѣе того, мыслящій человѣкъ не можетъ не мыслить.

Что нужды до названія; зовите чумой, зовите нечумой; но я убѣжденъ, что

болѣзнь, которая въ Турціи, Молдавіи и Валахіи свирѣпствовала во время послѣдняго похода, подъ тавромъ и тамгою смерти, не была намъ сообщена турками, а развилась въ войскахъ нашихъ. Она образовалась, какъ злокачественныя лихорадки, какъ пожирающія повальныя горячки, безъ коихъ никогда еще не бывало значительной и продолжительной войны. Мѣстность и обстоятельства образовали здѣсь чуму, или, пожалуй, нервно–гнилую–гастрическую горячку, изъ тѣхъ же началъ, изъ коихъ, при иныхъ отношеніяхъ, образуется иная болѣзнь. Доводами мнѣнія своего не подкрѣпляю; это было бы здѣсь неумѣстно, да и доводы этого разбора никого не убѣдятъ: доводы не доказательства; а этихъ здѣсь нѣтъ и быть не можетъ. Ученые и опытные собраты мои безъ сомнѣнія останутся при своемъ мнѣніи, какъ я остаюсь при своемъ. Я почитаю вообще мнѣніе — будто бы чума тлится споконъ–вѣку въ Турціи подпепельною искрой — несправедливымъ; чума почасту образуется, при извѣстныхъ

данныхъ, вновь; слѣдовательно она могла образоваться и въ рядахъ войскъ нашихъ, поставленныхъ въ тѣ же самыя мѣстныя отношенія; и споръ — египетская ли это чума, цареградская ли, молдавская ли — не стоитъ торговъ и переторжки, потому что это все равно, откуда бы она ни взялась. Достовѣрно то, что она шла по пятамъ нашимъ до самаго Адріанополя.

И такъ всю бѣду эту свалили мы съ плечъ долой, *спокутковали*, какъ говорятъ на Украйнѣ; пришли на родину, проглянули новою жизнью, собрались было опочить на лаврахъ своихъ, размѣстившись въ жидовскихъ мѣстечкахъ западныхъ губерній, какъ два бича человѣчества почти единовременно взвились надъ сумрачнымъ лицемъ земли, и отечество вновь призвало дѣтей своихъ въ ряды ополченія противъ *мора и войны*. Холера и мятежъ въ Польшѣ разразились надъ злополучнымъ краемъ.

Половина губерніи, въ которой мы стояли, была не въ самомъ цвѣтущемъ положеніи. Можетъ быть паны–экономы — рахмистры — кассиры въ этомъ неболѣе

виноваты, какъ и самый образъ господскаго управленія; здѣсь откупы на все: на свѣчи, на сало, на деготь, на соль и даже на печеный хлѣбъ — и жиды единомысліемъ своимъ и пронырствомъ понижаютъ и повышаютъ цѣну звонкой монеты по произволу. Между прочими налогами на мужиковъ позабавилъ меня слѣдующій: ежегодно раздается на каждый дворъ по извѣстному числу яицъ; бабы обязаны высидѣть и представить къ сроку цыплятъ.

Едва только зимніе короткіе дни начали расти, 12 Декабря 1830 года, и мы уже выступили изъ своихъ кантониръ–квартиръ, пошли снѣгами и морозами, только–что отдохнувъ отъ знойнаго лѣта Турціи. О, если бы покрайней–мѣрѣ люди, при такихъ обстоятельствахъ, всегда смыкались ближе и дружнѣе, а не пилили другъ друга причудами, упрямствомъ, упорною и бесмысленною брюзгливостію! Съ товарищами жили мы славно, дружно, весело; мы помогали другъ другу коротать скучный и смутный часъ, и забывали горе

за походными шутками и дружнымъ весельемъ.

Мы пришли въ Каменецъ–Подольскій, эту неприступную для древнихъ твердыню, которую нынѣшнее военное именословіе не честитъ даже и названіемъ крѣпости, хотя городъ стоитъ на неприступной скалѣ, на островѣ, который кругомъ обтекаетъ рѣчка Смотричь, между тѣмъ какъ онъ соединяется съ материкомъ только самороднымъ гребнемъ и каменнымъ мостомъ съ башенками, покрытымъ путемъ, воротами и всѣми принадлежностями полуазіятскаго и полуевропейскаго зодчества тогдашней военной защиты. Возвышенные холмы по ту сторону Смотрича, обтекающаго кольцеобразно градъ Подола, повелѣваютъ, въ военномъ смыслѣ, городомъ, и потому онъ для крѣпости не годится. Здѣсь, въ Каменцѣ, св. Апостолъ снова воцарился на высокомъ минаретѣ, выстроенномъ нѣкогда турками, по обращеніи косцела въ мечеть.

Въ Каменцѣ сидѣли мы нѣсколько времени между холерою и мятежемъ. Во

ожиданіи того и другаго, я познакомился съ презабавною еврейскою четою, которую долженъ въ нѣсколькихъ словахъ представить читателямъ моимъ. Жидокъ этотъ съ плотною и сговорчивою половиною своею, былъ замѣчательное лице въ царствѣ израильскомъ. Гусляръ, скрипачъ, разбитной малый, весельчакъ, гуляка, съ презрѣніемъ глядѣлъ онъ на суетныхъ, корыстныхъ, скаредныхъ собратовъ своихъ и пускалъ послѣднюю копейку ребромъ, каждый разъ, когда копейка у него заводилась. Но и онъ и супруга его не переродились отъ сѣмени своего; смошенничать и обмануть *гоя*, крещенаго — отъ этой врожденной склонности тороватые души ихъ не могли отказаться. На Подолѣ есть семья евреевъ, которая хранитъ и сохраняетъ, въ видѣ тайны, наслѣдственное искуство снимать бѣльмо; прадѣдъ, дѣдъ, отецъ, сынъ и внукъ занимались этимъ промысломъ и заработывали хорошія деньги. Я зналъ лично семью операторовъ–самоучекъ; они осаживаютъ катаракту (methoduэ depreээioniэ) простою и прямою

иглою; не употребляютъ при этомъ ни другихъ способовъ, ни орудій — и одностороннее, безусловное слѣдованіе одному этому способу, при разныхъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ, не всегда можетъ быть увѣнчано лучшимъ успѣхомъ. Жидокъ мой принадлежалъ, по супругѣ своей, къ этому жъ поколѣнію цеховыхъ бѣльмоцѣлителей, но, какъ распутное дитя, въ которомъ не видали много проку и толку, былъ признанъ цехомъ своимъ недостойнымъ познать тайны свѣтодарнаго искуства, былъ изгнанъ своими, поселился въ Каменцѣ и гулялъ, кутилъ и мутилъ не въ свою голову. Я стоялъ у этой безшабашной головы на постоѣ. Онъ и хозяйка его стали водить и возить ко мнѣ со всѣхъ концевъ Подола слѣпыхъ, не могли нахвалиться безкорыстіемъ моимъ, готовностію помогать несчастнымъ, которымъ давали у себя, по чувству состраданія и человѣколюбія, безмездное пристанище и дневную пищу, и отпускали ихъ наконецъ зрячими, присоединяя усердныя мольбы свои къ мольбамъ вновь

одаренныхъ свѣтомъ: мольбы за здравіе, долголѣтіе и благоденствіе мое, считая собственную заслугу свою, какъ сами выражались, ни во что; помощь и содѣйствіе ихъ, въ сравненіи съ моею, была, какъ увѣряли они, ничтожна. Но какъ вы думаете, что открылось? Почтенный жидокъ и достопочтенная подручница его не только обирали, именемъ вспомоществующаго, слѣпыхъ постояльцевъ своихъ, но бестыдно сами себя прославляли въ цѣломъ околодкѣ цѣлителями слѣпоты, объявивъ, что наслѣдственное искуство низошло свыше на отростокъ поколѣнія свѣтодавцевъ — и успѣвали въ этомъ, потому что слѣпой не видитъ руки, дарующей ему свѣтъ, и что онъ, въ безпредѣльной радости своей, готовъ признать спасителемъ своимъ всякаго, кто самъ имъ вздумаетъ назваться.

Между тѣмъ моръ сталъ свирѣпствовать и въ Каменцѣ. Мѣстное главное начальство раздѣлило городъ на части, довѣрило каждому изъ насъ по одной и предоставило въ то же время усмотрѣнію каждаго

употреблять всѣ строгости оцѣпленія, или нѣтъ. Мы имѣли удовлетвореніе видѣть, впослѣдствіи, изъ частныхъ вѣдомостей своихъ, что болѣзнь въ оцѣпленныхъ частяхъ города не прекратилась ранѣе, а въ неоцѣпленныхъ не распространялась сильнѣе; что, напротивъ, дни большей и меньшей смертности совпадали въ цѣломъ городѣ, и что слѣдовательно ходъ, ростъ и упадокъ болѣзни обусловленъ былъ причинами, которыя раждались, распространялись и исчезали независимо отъ заставъ, цѣпей и карауловъ.

Къ Каменцу примыкаетъ слободка, сборъ жалкихъ, полугнилыхъ лачужекъ, расположенныхъ на поемномъ, низменномъ долу — это царство сырости, неопрятности, нищеты, тѣсноты; присоедините еще къ тому ужасную всепожирающую болѣзнь, которая въ сутки лишала семейство отца или матери, жену — мужа, дѣтей — кормильца и кормилицы — и бѣдствующее человѣчество стоитъ передъ вами во всей наготѣ своей, на высшей степени безпомощнаго и отчаяннаго положенія.

Этотъ уголъ присоединился по какому–то наслѣдству(*) къ моему участку. Суевѣріе, недовѣрчивость, недостатокъ въ пищѣ, въ средствахъ, въ присмотрѣ — все это, въ соединеніи съ тѣмъ, что я сейчасъ описалъ, ей–ей, могло бы свести съ ума того, коего попеченію довѣрено было бѣдствующее человѣчество, поверженное ницъ въ отчаянныхъ, предсмертныхъ судорогахъ своихъ.

Въ этой–то слободкѣ Каменца стояла хижинка, или домишко, поблаговиднѣе сосѣдей своихъ, почище и получше выстроенный. Домикъ этотъ стоялъ на углу, на второмъ переулкѣ послѣ крутаго спуска. Видно было по всему, что хозяинъ его нѣсколько зажиточнѣе большей части обитателей слободки, что избушка поддерживалась постоянно въ исправности; и я готовъ былъ также спорить о чемъ угодно, что хозяинъ добрый старичокъ, и что въ домѣ есть взрослая дочь или дочери. Всѣ эти отвлеченныя соображенія промелькнули въ мысляхъ моихъ, когда я

(*) По наслѣдству медицинскому; предшественникъ мой выбылъ.

въ первый разъ увидѣлъ домишко этотъ — и проходя здѣсь ежедневно два–три раза, вскорѣ увѣрился, что я ни въ чемъ не ошибся. Домъ, какъ я сказалъ, былъ угольный; передъ нимъ красивенькій палисадникъ съ цвѣтами и деревьями; на большую улицу стояли ворота, а въ переулокъ, къ палисаднику, вела калиточка. Я часто впослѣдствіи любовался благообразнымъ, стройнымъ старикомъ, который, съ тростію въ рукѣ, въ коричневомъ сюртукѣ, попадался мнѣ иногда навстрѣчу, выходя изъ приворотной калитки этого дома. Притворивъ бережно за собою калитку, окидывалъ онъ взоромъ цвѣты и деревья въ палисадникѣ, кланялся мнѣ учтиво и отправлялся мѣрными шагами въ городъ, между тѣмъ какъ премилая дѣвушка нерѣдко выбѣгала въ калиточку, которая вела со стороны переулка въ палисадникъ, посылая за отцемъ своимъ напутное: «до свиданья.» Она, дѣвица, не обращала никакого вниманія на проходящихъ, а скрываясь за довольно густыми кустами и деревьями, почасту

тѣшилась и забавлялась грядками и цвѣточками своими.

Мирное жилище это радовало и утѣшало меня каждый день. Казалось, какое–то благословенiе почивало подъ драничной кровелькой; сердцу становилось здѣсь легко и отрадно, какъ будто пришло оно, съ дальней стороны, на родину.

Но въ мирномъ жилищѣ этомъ скоро нарушилась тишина и спокойствiе; все засуетилось: мать, дѣти, прислуга. Почтенный хозяинъ, нашъ старикъ въ коричневомъ сюртукѣ, занемогъ холерою.

Съ какимъ–то тайнымъ трепетомъ и благоговѣнiемъ вошелъ я въ завѣтную избушку, которая уже столько времени была для меня усладительною и назидательною картиной. Я нашелъ все въ домѣ въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ ожидалъ.

Почтенные, трудолюбивые старики, милыя, опрятныя дѣти, всеобщее устройство, порядокъ, тишина; а Ванда, старшая дочь, разливала вокругъ себя голубыми очами своими утѣшенiе, миръ и

спокойствіе... Съ какимъ внутреннимъ удовольствіемъ вспоминаю объ этихъ ежедневныхъ посѣщеніяхъ! Отъ глубины души своей посвящалъ я ихъ тому созерцательному самозабвенію, которое врачуетъ сокрушенное мелочными, мірскими заботами сердце, гораздо болѣе, нежели взглядъ на суетный памятникъ великаго человѣка, или размышленіе о необыкновенныхъ его дѣяніяхъ, давшихъ ему право гражданства въ избранномъ сонмѣ повитыхъ дубовыми и лавровыми вѣнцами! Легче, сто разъ легче быть великимъ въ великихъ обстоятельствахъ, похитить на одно мгновеніе престолъ и державу судьбы, и рѣшить въ одинъ разъ, словомъ или дѣломъ, громкое мірогласное событіе — нежели быть великимъ въ маловажныхъ, пресмыкающихся, житейскихъ отношеніяхъ, которые надоѣдаютъ намъ на каждомъ шагу, отравляютъ всякую радость семейнаго счастія, какъ несносные, докучливые комары и мошки на прогулкѣ по прелестнымъ виноградникамъ. Вотъ

разность величія половъ: мужчина бываетъ доблестенъ пять, шесть, десять разъ на вѣку своемъ; женщина добродѣтельна съ утра до ночи; она ведетъ кротко и смиренно священную войну свою со всѣми непріязненными стихіями домохозяйства, заключаетъ каждый вечеръ, на молитвѣ своей, кратковременное перемиріе, и собравшись съ новыми силами, съ зарею уже начинаетъ снова, молча и безъ ропота, противоборствовать мелочнымъ суетамъ житейскимъ, чтобы заслужить одобрительную улыбку отца, брата или мужа; далѣе слава ея не простирается. Цѣните такихъ женщинъ, друзья, и не забывайте, что самому изящному и поэтическому созданію въ мірѣ досталась на долю самая прозаическая, существенная половина жизни: цѣните женщину, которая умѣетъ соединить въ дѣлахъ, поступкахъ и обращеніи своемъ эти видимыя противоположности.

Старикъ нашъ, который заболѣлъ холерою, не смотря на то, что былъ крайне труденъ, на мои глаза безнадеженъ, сталъ

оправляться. Благодарностямъ не было конца. Домашніе, по всегдашней похвальной привычкѣ своей, приписываютъ такое исцѣленіе непосредственно чудотворнымъ мазямъ, припаркамъ и порошкамъ врача; а этому ничего не остается, какъ откланиваться на всѣ четыре стороны, потому что искреннее увѣреніе въ непричастности и невинности искуства его, бываетъ принимаемо какъ обычная оговорка олицетворенной скромности, и изъявленія благодарности и признательности усугубляются, по мѣрѣ возбуждаемаго объ этомъ предметѣ противорѣчія.

По привычкѣ и по влеченію продолжалъ я навѣщать, мимоходомъ, черезъ день или два, мирныхъ обитателей драничной кровли; я ознакомился съ ними, а вскорѣ и сдружился, потому что ничто на свѣтѣ не сближаетъ людей такъ, какъ бѣдствіе и горе. Явитесь въ спопутную минуту утѣшителемъ бѣдующаго существа, и вы можете, *если можете*, сдружиться и сойтись душа въ душу съ этой первой

минуты встрѣчи; и вотъ, что изрѣдка услаждаетъ честнаго врача въ жалкомъ его положенiи.

Я видѣлъ, что общее горе тяготѣло надъ семьею, въ которой я сталъ почти свой; что отецъ, мать и Ванда болѣютъ и скорбятъ однимъ семейнымъ недугомъ; но они молчали, и я молчалъ. Разъ, я помню, когда Ванда забылась, и мечтательное раздумье заволокло румяную зарю пасмурнымъ облачкомъ, когда думное выраженiе чела и скорбящiй взоръ очей ей измѣнили, я много прочиталъ въ лицѣ этомъ; и Ванда, опомнившись и быстро взглянувъ на меня, угадала также то, чего я не хотѣлъ вымолвить; это я видѣлъ, это написано было на челѣ и въ очахъ ея; но выговоривъ ясно на томъ же языкѣ: «не спрашивай меня, я молчу по гробъ свой» — она мигомъ оправилась, и вся осанка и лице ея приняли опять уже это спокойное, умилительное и постоянное выраженiе, которое вы найдете только въ Вандѣ и ей подобныхъ созданiяхъ. Старушка, мать Ванды, проговаривалась только въ общихъ

выраженіяхъ; но видно было, что горе ея тѣсно связано было съ тогдашнимъ состояніемъ Польши. Отецъ говорилъ объ этомъ мало, отрывисто, всегда только въ двухъ–трехъ словахъ; но предметъ трогалъ его сильно; старикъ вздыхалъ и замолкалъ, или заговаривалъ о другомъ. Я видѣлъ ясно, что онъ въ высшей степени негодуетъ на горестное событіе это, на возмущеніе однородцевъ своихъ, обсуживая дѣло здравымъ и прямымъ разсудкомъ своимъ; но при всемъ томъ не хочетъ говорить, какъ потому, что сердце его сжималось при однихъ только воспоминаніяхъ, такъ и потому, что передъ нимъ стоялъ русскій, который могъ бы принять сердечныя слова поляка за льстивые напѣвы, вынужденные обстоятельствами; а одна мысль объ этомъ отымала у старика языкъ. Такъ общій духъ и отношенія народовъ отзываются во взаимныхъ отношеніяхъ частныхъ лицъ, и, если угодно, наоборотъ. Я узналъ только, что семейство это было родомъ изъ Калиша, переселилось въ Каменецъ уже во время французской войны, по случаю

тогдашнихъ смутъ въ Польшѣ, что старикъ былъ небогатый, но честный и всѣми уважаемый правословъ, который никогда не выигрывалъ несправедливаго, безчестнаго дѣла, потому что никогда за него не брался, и что сынъ старика нашего, даровитый, хорошо образованный, многообѣщавшій юноша, надежда отца и кумиръ сестры и матери, ушелъ черезъ Галицію въ Замосць, надѣлъ синій полуплащикъ съ висячимъ воротникомъ и серебряной цифровкой, и готовится итти съ дружиною Дверницкаго на Волынь и Подолъ.

Я почти начиналъ вѣрить, что въ этомъ одномъ обстоятельствѣ заключается горе Ванды и ея родителей, какъ нечаянный и маловажный по себѣ случай навелъ меня на догадку, что это еще не все.

Ванда всегда и во всякое время носила на шеѣ мелкую и длинную золотую цѣпочку, на которой, казалось, висѣлъ крестикъ, ладонка или что нибудь подобное. Въ одну темную и ненастную ночь деньщикъ меня будитъ, говоритъ, что за мною пришли отъ больнаго; я

вскакиваю — и въ потьмахъ, по голосу, узнаю своего старика. «Наша Ванда занемогла,» сказалъ онъ мнѣ, «и хотя увѣряетъ, что ей только сдѣлалось дурно отъ чаду, но я, извините отца, который живетъ только для дѣтей своихъ, я испугался: нынѣ время тяжелое, бѣдственное; у меня не стало духу сидѣть и ждать развязки въ ужасной неизвѣстности. Я рѣшился итти къ вамъ; Ванда моя чистою молитвою своею за васъ помолится — помогите ей!»

Меня обдало холодомъ съ головы до ногъ. Ванда, подумалъ я про себя, поспѣшно одѣваясь, Ванда... что жъ? и она, и Ванда, и всѣ мы, всѣ, сколько насъ ни есть, живемъ, поколѣ дышемъ!

Чисты и достойны были помышленія мои, когда я вошелъ въ почивальню Ванды, и тепла молитва моя, когда я убѣдился, что Ванда не ошибалась въ причинѣ недуга своего, сказавъ: «мнѣ право совѣстно, что батюшка васъ побезпокоилъ; это пустое; братишки мои шалили, топили воскъ на

какія–то новыя проказы и начадили такъ, что у меня разболѣлась голова!»

Но во время этого разговора, когда заботливый отецъ поднесъ свѣчу къ самому изголовью своей Ванды, взоръ мой случайно упалъ на молодаго поляка въ синей венгеркѣ и въ бѣлой, валяной плосковерхой шапочкѣ съ загнутыми вплоть къ тульѣ полями; лице молодецкое и мужественное — казалось, даже слишкомъ удалое. Молодецъ этотъ обнялъ золотою цѣпочкою шею Ванды, и въ эту минуту лежалъ, скатившись, на изголовье недужной, рядомъ съ головкою ея. Я успокоилъ старика, раскланялся, ушелъ домой, но полякъ въ бѣлой валяной шапочкѣ на–бекрень, съ темнорусыми усами, стоялъ передо мною, какъ стоитъ и теперь; я его вижу каждый разъ, когда вспоминаю о Каменцѣ, о Вандѣ, о Польшѣ, и мнѣ бываетъ тяжело и скучно.

Дверницкій кинулся изъ Замостья на Волынь, вопреки извѣстій о переходѣ его обратно за Вислу, и корпусъ нашъ двинулся ему навстрѣчу. Теперь уже болѣе

никто не увѣрялъ насъ, какъ было это во время похода черезъ Ольшану, Браиловъ (украинскій) и Умань, что конно–егерская дивизія двигается для поимки какаго–то разбойника Кара–Мелюка. Дверницкій безъ хлопотъ обезоружилъ на границѣ слабый гарнизонный баталіонъ и занялъ Устилугъ. Слухи наразладъ достигали и встрѣчали корпусъ нашъ на походѣ; войска не были еще на военномъ положеніи; маркитантовъ ни одного; и потому терпѣли мы много отъ недостатка и лишеній всякаго рода — не слѣзая съ лошадей по пяти ночей сряду. По пути видѣли мы Вишневецъ, колыбель Мнишковъ; поличіе Маріи и Лжедимитрія, съ надписью подъ послѣднимъ: Demetrius verus; видѣли Кременецъ, гдѣ нечаянное появленіе наше, и тяжелый стукъ артиллеріи, и дымящіеся пальники странно противорѣчили мертвой, ночной тишинѣ и наружному спокойствію боязно выглядывавшихъ изъ воротъ и калитокъ жителей; осматривали съ большимъ любопытствомъ кременецкій лицей и познакомились съ остроумнымъ, ученымъ

мечтателемъ, ректоромъ или префектомъ Зыковичемъ, и помнимъ краснорѣчивые разговоры его. «Тридцать лѣтъ,» говорилъ онъ, «учу я, опредѣляю и поясняю разныя науки, но самъ не понимаю ни одной — и кажется, многіе собраты мои находятся въ тѣхъ же отношеніяхъ. Физики, напримѣръ — я предпочтительно занимался естественными науками — физики, наперекоръ здравому смыслу, разлагаютъ и составляютъ лучъ свѣта изъ семи цвѣтныхъ лучей, и передали теплотворъ и электричество, полюбовной сдѣлкой, во владѣніе другой, отдѣльной главѣ замысловатаго романа своего, съ тѣмъ, чтобы глава эта уже не мѣшала имъ тѣшиться досыта, отдѣльно, отвлеченно конькомъ своимъ, семицвѣтною радугой. Имъ и въ голову не придетъ, что свѣтъ, тепло, и самое электричество, и вся жизнь, всѣ силы природы сосредоточены и соединены нераздѣльно въ лучѣ этомъ; что въ лучѣ заключается нѣсколько силъ: свѣтъ, тепло, электричество, силы растительныя и животныя.»

Мы взбирались и на другую не–метафизическую крутизну, на крутую гору, у самого Кременца, гдѣ какая–то литовская королева Бона выстроила когда–то укрѣпленный замокъ. Остались только стѣны, подземная тюрма и колодезь безконечной глубины. Мы видѣли также и Почаевскій монастырь, на границѣ Галиціи, составляющій уже самъ по себѣ цѣлый городъ. Монахи припасли для насъ гостиный обѣдъ, но и простая, братская трапеза ихъ очень хороша, чему немало способствуютъ огромные, богатые подвалы, наполненные старыми, вкусными медами. Мы видѣли богатства монастырскія.

Все это мы видѣли и перезабыли, потому что намъ тогда было не до того, а помнимъ только какъ Дверницкій былъ разбитъ подъ Боромелемъ, гдѣ алые гусары наши, стоявшіе на правомъ крылѣ въ третьей линіи, потянулись во–время ниткою впередъ, выстроились, отрѣзали и изрубили отчаянныхъ хмѣльныхъ конниковъ, которые на–веселѣ и очертя голову затесались было туда, гдѣ имъ совсѣмъ

было не мѣсто(*); помнимъ также, хотя и неохотно вспоминаемъ, Порѣцкъ, и помнимъ конецъ всѣхъ востающихъ на могучее отечество наше, уничтоженіе Дверницкаго на самомъ рубежѣ Галиціи, противъ Збараша. Долго войска наши за нимъ гонялись; хитро и осторожно металъ Дверницкій крюки и петли, стараясь обойти противника и проникнуть на Волынь или Подолъ; но выбившись изъ силъ, прислонился онъ къ полубратскимъ рубежамъ, и убѣдившись уже подъ Боромелемъ, что не выдержитъ предстоящаго ему удара, распустилъ на всѣ четыре стороны шумливую команду свою и сдалъ оружіе Австрійцамъ.

16 Мая на расвѣтѣ мы двинулись на непріятеля. Командующій объѣхалъ всѣ полки и объявилъ имъ, что непріятель прижатъ къ границѣ, что ему уйти уже нельзя, и что по этому онъ будетъ разбитъ

(*) Въ дѣлѣ этомъ два обстоятельства были для меня очень любопытны: первое, что изъ числа нѣсколькихъ сотъ польскихъ уланскихъ сабель, которыя пересмотрѣлъ я впослѣдствіи самъ, едва ли десятая часть были отпущены; плѣнные на вопросъ мой объ этомъ увѣряли, что они не успѣли заняться этимъ, хотя готовились къ походу цѣлую зиму, въ Замосцѣ; и второе, что копье, на которое надѣялись поляки взамѣнъ сабель своихъ, самое пустое оружіе, если не прихватывается локтемъ, подъ мышкой, а держится на–отмашъ, въ одной рукѣ.

и уничтоженъ. Всегдашній отвѣтъ русскаго солдата *рады стараться* встрѣчалъ слова начальника, и всѣ горѣли нетерпѣніемъ выместить на полякахъ утомительные, скучные, девятидневные переходы. Корпусъ потянулся вдоль лѣса; егеря полковника Г. прошли опушкой, перекликаясь зычными рогами, которые объясняли тѣмъ, кому былъ знакомъ языкъ этотъ, что дѣлается въ лѣсу. Егеря разсыпались и окликались, какъ гончія по красному звѣрю. Съ лѣваго крыла алые гусары и застрѣльщики усыпали поле; но когда поднялись мы на бугоръ, гдѣ за четверть часа стоялъ непріятельскій постъ, то его уже не было. Фланкеры и казаки понеслись въ погоню; Оранцы, Ахтырцы, Витгенштейнцы за ними, и настигали и рубили бѣгущихъ. Польская пѣхота была въ фуражкахъ; а это противъ конницы очень невыгодно; все полетѣло; непріятель спасался, кто и куда могъ. Тутъ повозка, тамъ конь, здѣсь ружье, тутъ ранецъ, тесакъ, сума; тутъ раненый, опершись на локоть, стонетъ въ крови; здѣсь верховой

ведетъ пару плѣнныхъ, которые проклинаютъ судьбу свою и попрекаютъ другъ друга въ большей степени вины или участія; здѣсь какой–то отчаянный наѣздникъ во фракѣ и круглой шляпѣ отстрѣливается и отмахивается отъ двухъ гусаровъ, которые, нахлобучивъ кивера, налетѣли, и съ него, какъ говорится, только полки посыпались. Одинъ гусаръ взялъ, въ глазахъ моихъ, офицера и снялъ–было съ него тонкую шинель; но товарищъ гусара вырвалъ у него ее изъ рукъ, отдалъ плѣннику и сказалъ: «а какъ тебя дурака возьмутъ завтра, да сымутъ съ тебя рубаху?»

Я подошелъ поочереди и къ черному фраку, и на жалобы его о звѣрскомъ безчеловѣчіи гусаровъ, изрубившихъ отдавшагося уже въ плѣнъ поборника ойчизны, я отвѣчалъ положительно, что самъ видѣлъ два пистолетные выстрѣла его, и что по нашему этакъ въ плѣнъ не отдаются. Слово за словомъ, и оказалось, что фракъ мой зналъ коротко въ отрядѣ Дверницкаго Яна, брата Ванды. Онъ

перешелъ съ отрядомъ за границу, чтобы никогда болѣе не возвращаться на родину, потому что былъ замѣшанъ въ возмущенiи на Волыни, коимъ предводительствовалъ одинъ изъ тамошнихъ помѣщиковъ.

Корпусъ нашъ двинулся опять впередъ, и встрѣтилъ радостное извѣстiе, что генералъ К. разбилъ на голову и утопилъ въ Вислѣ отрядъ Серавскаго, шедшаго на выручку Дверницкаго; 18 Мая перешли мы Бугъ пограничный, въ Устилугѣ, и этимъ начали вторую главу похода, коего третьей главѣ предстояло поприще за Вислой.

На одномъ изъ переходовъ по сю сторону Люблина, былъ пойманъ и изобличенъ высланный изъ Замосьця лазутчикъ, человѣкъ уже въ лѣтахъ и семейный. Военный судъ приговорилъ его растрѣлять. И такъ выкопали яму, надѣли на преступника китель, привязали бѣдняка къ столбу и дали по немъ холостой залпъ изъ двѣнадцати ружей. Генералъ велѣлъ ему дать 50 рублей за острастку и сказать въ крѣпости: «чтобы такихъ дураковъ не присылали.» Но милосердое превращенiе

заслуженнаго смертнаго приговора въ шутку никому не было извѣстно, до самаго исполненія его; народъ сбѣжался со всѣхъ сторонъ; жиды, ненавидя поляковъ, ликовали, бранили ихъ въ глаза и выражали неистовую радость свою чрезвычайно забавными ухватками. Когда же, послѣ минутнаго невольнаго молчанія, гдѣ всѣ притаили духъ, испуганнаго на смерть поляка отвязали, и дѣло объяснилось, то общій шумъ, хохотъ, говоръ и разнообразныя чувства вслухъ и голосистыя сужденія зрителей сливались въ одинъ невнятный, шумный гулъ. Я оглянулся на жида, который, обширно размахивая палкой и широкопольной шляпой, задѣвалъ сосѣдей своихъ справа и слѣва, спереди и сзади, но ничего не видѣлъ, не слышалъ: такъ жарко расуждалъ и спорилъ онъ со стоявшею подлѣ него дѣвкою. Онъ глаголилъ по польски; рѣчь его лилась рѣкой; глаза горѣли, бородка тряслась, выразительныя черты молніею пробѣгали по лицу, и не смотря на трагическое положеніе его, онъ

былъ смѣшонъ до крайности. Дѣвка, спорившая съ нимъ, также невольно обратила на себя мое вниманіе. Рѣзкія въ ней противоположности ярко бросались въ глаза съ перваго взгляда: прекрасное лице и тупой, безсмысленный взоръ; стройный, по видимому, станъ и какая–то нескладность, которую трудно было съ нимъ согласовать; изысканная тщательность въ полу–украинской, народной уборкѣ волосъ, и странная небрежность въ одеждѣ; да и самая болтовня ея, при видимой безсвязности своей, какими–то яркими проблесками остроумія такъ вѣрно попадала въ мѣту, такъ прямо, просто и ясно доказывала истину, не останавливаясь впрочемъ на ней ни на мигъ, а продолжая бѣглый огонь свой и какъ бы затаптывая опять въ грязь драгоцѣнную находку, что жиду наконецъ ничего не оставалось, какъ плюнуть, закричать десять разъ въ одинъ духъ, что она дура, дура, дура, что съ нею нельзя говорить и прогнать ее домой за работу, потому что Юзя была его батрачка. Юзя хохотала, говорила, что умный дурака

не гоняетъ отъ себя, а самъ отъ него отходитъ; что умный не кричитъ по улицамъ на весь народъ, какъ панъ арендарь, жидъ, который перекричалъ и ее дуру, и прочее. Узнавъ отъ стороннихъ людей, что Юзя была родомъ изъ хорошаго дворянскаго дома, извѣстнаго даже и въ бытописанiи Польши, но, какъ дурочка, забракована въ высшемъ кругу, и наконецъ попала нынѣ въ судомойки къ жиду, я отыскалъ, изъ любопытства, постоялый дворъ его, или корчму, остановился тамъ до выступленiя полка — и Юзя сама расказала мнѣ вотъ что:

Она помнитъ себя еще въ родительскомъ домѣ. Отецъ ея былъ потомокъ весьма извѣстнаго магната В. Осиротѣвъ очень рано, была она призрѣна графинею Л., и воспитывалась вмѣстѣ съ дочерьми ея. «Я была,» говорила Юзя, «черезъ–чуръ жива, остра, чувствительна и раздражительна, и слышала часто, какъ говорили, что я склонна къ помѣшательству.» Юзя выучилась языкамъ, музыкѣ, образовала себя хорошо,

но вѣчно бѣсилась, шалила и проказила. Она отказала двумъ хорошимъ женихамъ, которыхъ назвала поименно и описывала подробно — отказала для того только, что съ издѣтства объявила намѣреніе свое натѣшиться свѣтскою жизнію, перебѣситься и итти двадцати лѣтъ въ монастырь. Но нечаянная смерть благодѣтельницы Юзи произвела ужасный переворотъ въ жизни сиротки. Были люди, которые ожидали смерти графини съ нетерпѣніемъ. Суета, безпорядокъ, грабежъ и дѣлежъ оборотили все въ домѣ вверхъ дномъ. Юзя, неутѣшно рыдавшая надъ свѣжею могилой второй матери своей, была покинута на произволъ судьбы; наконецъ даже изгнана изъ семьи; а преслѣдованіе и насиліе безнравственнаго человѣка, давшаго бѣдной скиталицѣ лукавый пріютъ и хлѣбъ насущный, ввергли ее въ совершенное сумасшествіе. Каплица, часовня, выстроенная ею за 10,000 злотыхъ, полученныхъ въ наслѣдство отъ ея благодѣтельницы, возвратила Юзѣ, по словамъ ея, разумъ. «Но,» говорила она, «я все–таки осталась дурочкой, и помню

только прошлое, какъ во снѣ; иной день у меня память свѣжѣе, и я даже могу читать на трехъ языкахъ; иной день не помню буквъ, мелю, едва сама понимаю что, какъ напримѣръ сегодня, и едва могу пересчитать сряду свои тринадцать. И тогда мнѣ бываетъ легче.» — Почему же именно считаешь ты до тринадцати? — спросилъ я. «А потому, что я привыкла каждый день, утромъ и вечеромъ, прежде и послѣ молитвы, считать до тринадцати: я родилась 13 числа, оба жениха сватались за меня 13 числа; матери мои обѣ умерли 13 числа; 13 числа я выбѣжала изъ дому мнимаго втораго благодѣтеля моего и кинулась въ рѣку, откуда вытащили меня уже безпамятною и безумною, и наконецъ 13 числа я своеручно положила первый камень каплицы.» Такъ она молола и лепетала, безъ умолку, прибирая комнату постоялаго двора; мыла, чистила, скребла и работала за семерыхъ, чтобы къ шабашу, къ вечеру все привести въ порядокъ и угодить своему пану арендарю, и между тѣмъ все продолжала молоть и бормотать.

Пословица лилась у ней за пословицей, притча за притчей, поговорка за поговоркой, и вездѣ сквозилъ смыслъ, толкъ, остатокъ разума; и вся наружность ея и самыя рѣчи чрезвычайно странно и въ какомъ–то непонятномъ разладѣ составлены были изъ ума и безумія. «У меня была пріятельница, подруга,» продолжала Юзефа, «по которой я и теперь, когда бываю въ своемъ умѣ, горько плачу, и она по мнѣ плачетъ, это я знаю, и зоветъ меня къ себѣ, да я нейду. Здѣсь, въ батрачкахъ, я на своемъ мѣстѣ. Я была прежде слаба и нѣжна; но съ тѣхъ поръ, какъ я одурѣла, захилѣла душой, я тѣломъ стала свѣжа, бодра и здорова. Видите, какія у меня здоровыя руки, и я могу работать, и работы не боюсь. По этому я здѣсь на своемъ мѣстѣ, никому не мѣшаю, никто обо мнѣ не заботится, никто обо мнѣ не сожалѣетъ, и я довольна и спокойна. А тамъ? что они тамъ со мною будутъ дѣлать? Они люди недостаточные, но порядочные; на кухнѣ держать меня не захотятъ, это я знаю; а куда же имъ дѣваться въ гостиной

съ дурою, которая ину пору не умѣетъ пересчитать своихъ тринадцати, и которая хоть и говоритъ всегда правду всякому, а все таки дура? И Ванда стала бы тосковать по мнѣ день за–день. Дура убивала бы ее не–хотя дурью своею. Сердцу ея было бы нестерпимо больно на нее смотрѣть. Зачѣмъ же я туда пойду? чего я тамъ не видала?»

— А гдѣ твоя Ванда? — спросилъ я. «Была когда–то моя,» отвѣчала Юзя, «какъ была у меня и своя душа; теперь она, Ванда, людская, чужая, Подолянка; а душу свою найду я когда нибудь 13 числа, когда скину съ плечъ безумную голову свою, да Богъ милосердый меня призритъ.» Можете вообразить, друзья, какъ все это меня поразило, когда еще вдобавокъ оказалось, что Юзефа была подруга дѣтства Ванды! Весь пятничный вечеръ, до поздней ночи, покуда не догорѣли на другой половинѣ шабашныя свѣчи корчмаря(*), разговаривалъ я съ Юзей, сидя одинъ за длиннымъ сосновымъ столомъ, на бѣлой

(*) Жиды не гасятъ свѣчъ въ пятницу, когда справляютъ шабашъ свой, а даютъ имъ догорѣть и погаснуть.

лавкѣ, между тѣмъ какъ раскащица маятникомъ ходила взадъ и впередъ, отъ печи къ столу, отъ стола къ полкамъ, отъ полокъ опять къ печи и *поралась*, хозяйничала, прибирала и наконецъ усѣлась прясть. Я не могъ надивиться этому существу, составленному изъ однѣхъ противоположностей: не могъ довольно углубиться въ духовный бытъ, въ жизнь этой загадочной, необъяснимой души, которая, казалось, не столько лишилась божественности своей, сколько пострадала отъ какого–то непонятнаго превращенія, оставившаго неизгладимые слѣды растройства и безпорядка. Самый даже языкъ ея состоялъ изъ какаго–то пестраго смѣшенія польскаго, украинскаго, нарѣчія Мазуровъ, съ примѣсью и вставкою множества иностранныхъ словъ, употребительныхъ только въ образованномъ обществѣ. Юзефа, разговорившись о бывшей подругѣ своей Вандѣ, плакала и смѣялась въ одно и тоже время, и похвалилась, что хранитъ еще у себя письма Ванды, хотя уже и не читаетъ

ихъ, а иногда, 13 числа каждаго мѣсяца, развертываетъ ихъ и расматриваетъ. Признаюсь, что мнѣ хотѣлось заглянуть въ эти письма, но я робѣлъ просить объ этомъ Юзефу. Мнѣ какъ–то совѣстно было воспользоваться нынѣшнимъ ея положенiемъ, чтобы вывѣдать душевныя тайны Ванды. Я только взглянулъ во всѣ глаза на Юзефу при словѣ: «письма Ванды», глядѣлъ и молчалъ. Но Юзефа сочла этотъ взоръ сомнѣнiемъ, а откровенность и прямодушiе ея этимъ оскорбились. Она въ туже минуту бросилась къ простому бѣлому сундуку, стоявшему, даже безъ замка, подъ лавкой, вынула завернутый въ истасканную бѣлую косынку пучекъ писемъ и положила ихъ передо мною на столъ. «Вотъ они,» говорила она, «*нѣхъ панъ власне чита*; прочитайте сами.»

Винюсь передъ тобою, милая и прекрасная Ванда, винюсь и передъ читателями. Мнѣ недолжно было читать писемъ этихъ, потому что мнѣ говорила это совѣсть моя; но я ихъ прочелъ... прочелъ

съ такимъ наслажденіемъ и умиленіемъ, которое благодатно возвышаетъ душу нашу, насылаетъ миръ и спокойствіе и заставляетъ произнести въ сердцѣ обѣтъ стремиться всѣми силами къ доблести и добродѣтели, сродниться духомъ съ дѣвственною, непорочною душою. Я прочелъ письма эти; но я не употреблю во зло дѣтской и взбалмошной довѣренности Вандиной подруги; не скажу объ нихъ болѣе ни слова.

Когда я на другой день сидѣлъ уже на конѣ и тянулся съ полкомъ по Люблинской дорогѣ, я не сердился на пасмурную погоду и мелкій дождь; погода эта какъ–то была болѣе въ ладу съ думою моею и я, нахохлившись, завернулся въ бурку и молчалъ до самого привала. Немудрено, думалъ я, что въ душу бѣдной Ванды, испытавшей все это, запала кручина, обложившая мыслящее чело ея облакомъ томной грусти! Ванда потеряла подругу необыкновеннымъ, ужаснымъ образомъ; и подруга эта, не смотря на убѣдительную, отчаянную мольбу и неутѣшную печаль,

выраженныя въ послѣднихъ письмахъ Ванды, не могла уже болѣе быть чѣмъ была, и погибла для нея заживо, невозвратно! Ванда, вѣроятно, утратила также, едва ли не навсегда, любимаго брата, къ которому она приросла душой; и опять–таки утратила чрезвычайнымъ, выходящимъ изъ ряду случаемъ; братъ сдѣлался, по волѣ своей, преступникомъ: это было написано на лицѣ отца и сестры. А Кракусъ, подумалъ я, въ цыфрованной епанчѣ и бѣломъ колпачкѣ? Онъ обнялъ Ванду и повисъ на ней золотою цѣпью? кто онъ?

Но вотъ насталъ Троицынъ день, а съ нимъ и день сраженія при Сѣрокомлѣ и Будзыско — день, рѣшившій въ извѣстномъ отношеніи знаменитый вопросъ Гамлета.

Вслѣдъ за тѣмъ генералъ нашъ перешелъ Вислу — и я, находясь при постройкѣ судовъ и моста, провелъ нѣсколько полезно трудовыхъ недѣль въ веселомъ братствѣ и пріятныхъ дѣльныхъ занятіяхъ. Время это невольно напоминало мнѣ морскую службу, тѣмъ болѣе, что я

сошелся здѣсь съ двумя сослуживцами и однокашниками, также покинувшими флотъ. Но, друзья, Морской кадетской корпусъ оставилъ во мнѣ не тѣ впечатлѣнія, не тотъ поминъ, какъ Дерптскій университетъ. Оставлю это, и упомяну только, что 25 и 26 Августа сидѣлъ я, крѣпко задумавшись, въ землянкѣ своей, въ мостовомъ укрѣпленіи подъ Казимиромъ, прислушиваясь къ глухому гулу Варшавскихъ батарей и какъ бы стараясь разпознать выстрѣлы *моего* артилериста — и вѣщее, скорбящее сердце меня не обмануло: былъ тутъ и такой выстрѣлъ, который обдалъ его картечью и положилъ на мѣстѣ. Благородный сослуживецъ почтилъ могилу его памятникомъ.

Когда Варшава была взята, генералъ разбилъ и разогналъ всѣ скопища въ Сендомирскомъ и Краковскомъ воеводствахъ, и чтобы очистить всю страну эту положительно отъ буйныхъ головъ, занялъ вольный городъ Краковъ, который самъ по себѣ не хотѣлъ, или не могъ выдать

или прогнать скопившихся въ немъ *повстанцевъ*. Краковскому сенату была предложена объ этомъ нота отъ трехъ державъ, и до времени назначенъ отъ нихъ же троякій гарнизонъ.

Вольный городъ никакъ не ожидалъ такой мѣры. Поляки были сначала грубы, дерзки, кричали и козыряли; но когда стали собирать по домамъ разбѣжавшіеся остатки отрядовъ Каминскаго и Ружицкаго, то офицеры сотнями переходили черезъ мостъ у Подгорья въ Галицію, высиживали тамъ холерный карантинъ и толпами расхаживали по правому прибережью Вислы. Собираясь покинуть отчизну свою навсегда, они прощались съ нею взорами, съ любопытствомъ поглядывая на то, что дѣлалось въ Краковѣ.

Древній Краковъ и окрестности его занимательны. Всюду бытописательныя, сказочныя и баснословныя воспоминанія; каждый предметъ говоритъ о старинѣ незапамятной: Флоріенская башня, при въѣздѣ въ городъ изъ Вильчковицъ, выстроенная по возвращеніи Собіескаго

изподъ Вѣны и изображающая въ трехъ башенкахъ своихъ и воротахъ гербъ вольнаго Кракова; Маріинскій косцелъ, на площади, при которомъ постоянно содержится трубачъ, обязанный выходить на колокольню и играть каждый разъ, когда бьютъ часы; это, говорятъ, осталось въ память татарскихъ набѣговъ, когда такой же трубачъ возвѣщалъ жителямъ, съ башни св. Маріи, о предстоящей опасности. Ежегодно, на другой день Троицы, выѣзжаетъ изъ такъ называемаго звѣринца, за песками, черный рыцарь на деревянномъ конѣ — и народъ толпится около него и ликуетъ. Это также дѣлается въ память освобожденія въ этотъ день Кракова отъ татаръ, какимъ–то неизвѣстнымъ явленнымъ рыцаремъ. Гора Вавель, гдѣ сидѣлъ *смокъ*, змій–людоѣдъ, котораго убилъ Кракусъ, за что и признанъ былъ королемъ. Замокъ Кракуса, на Вавелѣ, изъ камня выстроенъ вновь Болеславомъ–Кривоустымъ; Владиславъ–Локитекъ передѣлалъ его по своему, съ подземными ходами; Казимиръ–великій обновилъ,

Сигисмундъ Августъ выстроилъ при немъ башню на крутомъ свѣсѣ, получившую названіе *куриной стопы*. Австрійцы, въ 1744 году, передѣлали замокъ въ казарму; а послѣ 1809 превратился онъ въ богадѣльню; впослѣдствіи поддерживали замокъ Кракуса собираемою съ городскихъ жителей поокончиною; въ *Суленицѣ*, что нынѣ гостиный дворъ, Казимиръ–великій давалъ пиръ тремъ королямъ, выдавая дочь за Владислава Чесскаго; наконецъ, даже самое жидовское предмѣстье Кракова — все это завлекаетъ и занимаетъ. Не менѣе любопытны окружности: могила Кракуса по ту сторону Вислы, гдѣ на Святой недѣлѣ бываетъ гулянье; это огромный холмъ, называемой ренковка, т. е. *ручнымъ:* преданіе увѣряетъ, что подданные Кракуса, изъ любви къ нему, насыпали могилу эту горстями; могила Ванды, полу–баснословной красавицы, наслѣдовавшей Кракусу; нѣмецкій князь Рудигеръ и Владиславъ Чесскій искали руки ея; она полюбила Рудигера, а народъ требовалъ Владислава. Ванда отказала обоимъ.

Рудигеръ собралъ войско и пришелъ подъ Краковъ — и Ванда, чтобы избавить Краковянъ отъ страшной войны, утопилась въ Вислѣ. Рудигеръ отошелъ съ грустію. Висла покинула на этомъ мѣстѣ старое русло свое и отошла на полмили, а Краковяне соорудили при деревнѣ Могилѣ памятникъ прекрасной и великодушной Вандѣ. Холмъ Костюшки лежитъ на горѣ св. Бранислава, на полмили отъ Кракова къ западу; самъ же Костюшка погребенъ на Вавелѣ, подлѣ Іоанна Собіескаго и Іосифа Понятовскаго. На горѣ св. Бранислава стоитъ каплица, часовня во имя той же святой, и подъ горой поселены семейства воиновъ, служившихъ подъ начальствомъ Костюшки и освобожденныхъ навсегда, съ потомками, отъ всякой подати. Могила знаменитой Эстерки, небольшой холмъ въ Лобзовѣ, въ полмилѣ отъ Кракова, гдѣ и понынѣ садъ и замокъ Казимира–великаго. Всѣ четыре могилы эти, столь богатыя воспоминаніями событій, были, какъ говорятъ, разрыты побѣдоносными Австрійцами. Судя по боковымъ ямамъ, это

и вѣроятно. Говорятъ, что въ могилѣ Эстерки найдены были древнія и богатыя вещи.

Но знаменитѣйшая вещь, по близости Кракова, есть соляноломня въ Величкѣ, въ Галиціи. Мы съѣздили туда и видѣли подземныя палаты, церковь, озёра, площади, улицы и переулки, простирающіеся въ три яруса на 140 саженей въ глубину, въ непрерывной толщѣ каменной соли. Ломня существуетъ съ 1043 года. Пластъ соли покрытъ пластомъ известковой ракуши въ 86 саженей толщины. Каплица украшена соляными изваяніями, во весь ростъ, островерхими памятниками, изсѣченными изъ полупрозрачной породы со стоялами. Зала Суворова, вымощенная по приказанію побѣдоносца досками, великолѣпно убрана гранеными подвѣсками и соляными люстрами — и при свѣтѣ огня блещетъ радугами; озёра въ семь саженей глубины, по коимъ прогуливались мы на лодкахъ. Словомъ, этому дивному богатству природы нѣтъ подобнаго въ Европѣ, только нашъ

Илецкій соляной пластъ, въ 60 верстахъ отъ Оренбурга, въ степи Зауральской, гдѣ необъятная и доселѣ неизмѣренная толща чистой каменной соли лежитъ непосредственно подъ тонкимъ слоемъ земли, можетъ сравниться съ солянымъ пріискомъ Велички.

И здѣсь, въ Величкѣ, расказу моему досталась въ удѣлъ вотъ какая развязка.

Я упомянулъ уже, что Подгорье, лежащее по ту сторону моста, ведущаго черезъ Вислу, то есть на самомъ рубежѣ Галиціи, набито было польскими военнослужащими всѣхъ полковъ, *яздъ* и *легій*. На мосту стояли попарно русскіе и австрійскіе часовые. Съ утра до вечера пестрая толпа въ чекменькахъ, венгеркахъ, епанчахъ и мундирахъ стояла по одну сторону роковаго моста, между тѣмъ какъ множество колясокъ безпрестанно подъѣзжали къ мосту, по эту сторону — и шляпки и платочки, кивая и размахиваясь, привѣтствовали родныхъ.

Однажды стоялъ я, прошедши предмѣстье Казимира, неподалеку отъ

моста и разговаривалъ съ венгерскими гусарами, которые просили меня убѣдительно сводить ихъ въ станъ нашъ и показать казаковъ, когда, кинувъ случайно взоръ черезъ Вислу, наткнулся я на рослаго, статнаго молодца, въ синей цыфрованной серебромъ епанчѣ, въ бѣлой, валяной шапочкѣ. Глаза мои дрогнули, снова отыскали стараго знакомца — и передо мной лежала, казалось, милая Ванда, съ золотою цѣпочкою на бѣлой шеѣ, со скатившимся на мягкое изголовье продолговатымъ кружечкомъ.... Измѣнникъ, этотъ полякъ въ бѣлой шапочкѣ — злой измѣнникъ: онъ покинулъ милую свою и, скатившись съ персей на изголовье, выдалъ чужому, постороннему человѣку сердечныя тайны Ванды! Но въ туже минуту спросилъ я у себя: кто же таковъ этотъ возмутитель мирной жизни, домашняго блаженства нашей Ванды? Братъ ли это ея, котораго она такъ нѣжно любитъ, или иной кто? Мнѣ хотѣлось перемигнуться съ нимъ, вздохнуть и подать ему вѣсточку о Вандѣ; но, признаюсь, не зная какъ

приметъ онъ привѣтствіе мое, я не хотѣлъ испытать недружественной встрѣчи.

Чрезъ нѣсколько дней мнѣ случилось быть въ самомъ Подгорьѣ, вмѣстѣ съ однимъ офицеромъ, посланнымъ туда за дѣломъ. Со мною былъ мальчишка лѣтъ шести, сиротка, котораго взялъ я къ себѣ еще въ Любельскомъ воеводствѣ по особому случаю. Отецъ его, вдовецъ, таскалъ его съ собою по всѣмъ походамъ — и, будучи убитъ подъ Любартовымъ, предоставилъ сыночка попеченію нашихъ сестеръ милосердія — казаковъ. Ничто не можетъ быть забавнѣе и жалобнѣе этихъ маленькихъ звѣрковъ, проживающихъ на форпостахъ и пикетахъ, или пристающихъ къ полку на походѣ какъ голодная собаченка, которой солдаты кинутъ косточку или корку хлѣба, и которая, изъ благодарности, остается при полку на все время похода, и по всей справедливости носитъ имя полковой шавки. Полунагіе зарываются ребятишки эти на ночь въ солому, ползутъ подъ плащъ солдата, переходятъ при смѣнѣ поста изъ рукъ въ

руки, пекутъ преискусно, на бивачномъ огнѣ, вырытый ими по сосѣдству картофель или пшеничные колосья, и довольствуются крохами сострадательнаго казака или солдата. Шестилѣтній Францышекъ не болѣе полугода тому, былъ съ отцемъ своимъ въ Каменцѣ. Взявъ его подъ свою опеку, узналъ я, что онъ даже часто бывалъ въ домѣ у старика нашего въ коричневомъ сюртукѣ. Какъ бойкій мальчишка, извѣдавшій на короткомъ вѣку своемъ болѣе, нежели иной восьмивершковый сидень; одаренный острою памятью, и наметавшись ко всему и для всего, Францышекъ исполнялъ отлично–хорошо всякое порученіе, не хуже любаго деньщика или жида–фактора. Я глядѣлъ, задумавшись, на шестидесятилѣтняго польскаго магната, который сидѣлъ въ Подгорьѣ съ женою и всѣмъ семействомъ. Статный, высокій ростъ его, лѣта, сѣдина и выразительное худощавое лице, привлекли на себя мое вниманіе, и я въ раздумьѣ сравнивалъ участь его, минувшую и настоящую.

Долгополый, плотно застегнутый сюртукъ и нахлобученная на глаза круглая шляпа, казалось, хотѣли скрыть отъ взоровъ любопытныхъ проживающаго здѣсь подъ чужимъ именемъ князя. Въ это время мимоходомъ вѣжливо поклонился ему нашъ знакомый незнакомецъ въ бѣлой шапочкѣ, сложивъ руки сталъ на пригоркѣ и глядѣлъ задумчиво и грустно черезъ Вислу. Я хотѣлъ подойти къ нему — и опять раздумалъ, а подозвалъ Францышка и велѣлъ ему заговорить съ нимъ и расказать, что онъ бывалъ въ Каменцѣ и знаетъ отца и семейство Ванды. Самъ же я сталъ поодаль и прислушивался къ разговору. Изумленный, обрадованный и сильно тронутый, молодой офицеръ забросалъ Францышка вопросами — и не могъ опомниться отъ этой нечаянной встрѣчи; онъ оглядывался кругомъ, какъ будто искалъ, откуда явился благодатный вѣстникъ. Мы сошлись, и я увидѣлъ, что недовѣрчивость и опасенія мои были въ этомъ случаѣ излишни — и я радовался за Ванду. Я узналъ въ ея избранномъ

человѣка образованнаго. Это былъ ея женихъ. «Бѣдная Ванда!» сказалъ онъ, когда мы прощались съ нимъ, поговоривши болѣе часу, «бѣдная Ванда! судьба (позвольте мнѣ, продолжалъ онъ съ горькими слезами на глазахъ, назвать это судьбою), судьба лишила тебя подруги, жениха и брата, и надѣлила сердцемъ, которое не перенесетъ этой утраты!»

Знакомый незнакомецъ нашъ, неотступными просьбами выпросилъ у меня Францышка, съ которымъ не хотѣлъ растаться.

Въ 1833 году встрѣтился я съ офицеромъ, товарищемъ по службѣ, хотя и не по званію — потому что Павлоградскій гусаръ не докторъ — встрѣтился съ землякомъ и товарищемъ, съ которымъ, два года тому назадъ, были вмѣстѣ въ Каменцѣ и часто разговаривали о Вандѣ и старикѣ въ коричневомъ сюртукѣ. Разговорившись о быломъ времени, я спросилъ: «не знаешь ли, что съ ними сталось?»

— Полгода тому назадъ, — отвѣчалъ Павлоградецъ, покачавъ головой, — былъ я

въ Каменцѣ, и, спустившись съ каменнаго моста, прошелъ направо въ слободку мимо знакомой, привѣтливой избушки: палисадникъ запущенъ, цвѣты заросли бурьяномъ и крапивой — никто объ нихъ не заботится; калиточка заколочена шелевкой наглухо; старикъ въ коричневомъ сюртукѣ выходитъ по–утрамъ одинъ–одинехонекъ и запираетъ за собою приворотную калитку на замокъ. Ребятишекъ отдалъ онъ въ какое–то заведенiе, кажется, въ Кременецъ; больше видно никого не осталось.